

СТОП, МАШИНА

Наблюдения за тем,
как Западная цивилизация
ПОДХОДИТ К КОНЦУ

Людвиг Рёмер

18+

Людвиг Рёмер

**Стоп, машина: наблюдения
за тем, как Западная
цивилизация подходит к концу**

«Автор»

2024

Рёмер Л.

Стоп, машина: наблюдения за тем, как Западная цивилизация подходит к концу / Л. Рёмер — «Автор», 2024

На протяжении десяти глав примерно равного объёма доктор Рёмер порой с юмором, но чаще с глубокой вдумчивостью подвергает осмыслению такие феномены, как здравоохранение в западных странах; повседневный труд, который всё чаще становится механистическим, теряя своё духовное значение; романтическая и половая любовь (пристальное внимание уделено порнографии как социальному феномену); культурные табу и их разрушение в современном обществе; принципы так называемой «новой доктрины» (современного западного идеологического нарратива) с их «бесстыдной ненаучностью»; закон и право с их странной избирательностью; классическое и популярное искусство (в качестве последнего автор осмысляет, помимо прочего, компьютерные игры, комедийные шоу и Интернет-мемы); образование, превратившееся в симулякр образования; церковь, которая в западных странах в новейшее время перестаёт быть частью культуры, становясь «частным делом» каждого.

© Рёмер Л., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Благодарности	5
От переводчика	6
Предисловие	8
Медицина	12
Работа	17
Отношения	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Людвиг Рёмер

Стоп, машина: наблюдения за тем, как Западная цивилизация подходит к концу

Благодарности

Выражаем самую глубокую и искреннюю признательность
Алексею Владимировичу АЛЁШИНУ,
Анне Владимировне АНИСИМОВОЙ,
Елене Викторовне БАРДАЦКОЙ,
Леониду Викторовичу ДУБАКОВУ,
Анне Аркадьевне ДУБАКОВОЙ,
Марине Борисовне НАБИЛКИНОЙ,
Екатерине Сергеевне СМОЛЕНСКОЙ,
Гоше Андреевичу СТАШИНСКОМУ,
Ирине Геннадьевне Ш.¹,
Дмитрию Вячеславовичу ШАБАШОВУ,
Игорю Александровичу ШАРОВУ
и другим людям, способствовавшим появлению этого переводного издания.

¹ Жертвователю не указал своей фамилии (прим. перев.).

От переводчика

2

Доктор Рёмер, мой хороший знакомый, которого я знаю со времён, когда мы оба были гораздо моложе, написал замечательную книгу.

Замысел этой книги, судя по его коротким статьям и отдельным репликам в Сети, зрел у него уже давно. Но мешали, видимо, административные обязанности (долгое время доктор Рёмер руководил религиозным учебным учреждением, да и сейчас является председателем его учёного совета). Мешала чисто британская сдержанность (автор – немец по происхождению, но давно живёт в Великобритании).

И вдруг на одном из сайтов, где исследователи публикуют свои статьи, начали появляться его эссе – отточенные, умные, так и просящиеся стать главами книги. Я заметил их ещё до того, как Людвиг прислал мне рукопись с просьбой просмотреть её на предмет всех нелепостей и несообразностей, которые он мог сказать о России или русской культуре.

Исправив одну или две неточности, всё остальное я оставил как есть: вмешиваться в готовый, сложившийся текст – только его портить.

Признаться, о России автор знает не так много (разумеется, больше, чем среднестатистический немец или британец). Его взгляд на сталинскую Россию, пожалуй, однобок, а его рассуждения об отношениях между юношами и девушками в нашей стране, почерпнутые из русской классической литературы, могут вызвать улыбку. Но ведь предмет его книги – вовсе не Россия.

Эта книга – о старческих недугах Западной (Евроатлантической) культуры, и написана она в лучших традициях Шпенглера, о чём автор говорит в своём предисловии и сам, оттого не буду его повторять. Убеждён, однако, что и русскому читателю прочесть её будет полезно. Все болевые точки, отмеченные автором, свойственны и нашей цивилизации (вероятно, в меньшей степени, чем Западу). Разве российские пользователи Интернета не потребляют порнографический контент? Разве проблема мигрантов для нас не является острой и болезненной? Разве не заигрываем мы как общество с идеей отмены вековых культурных табу? Разве всё в порядке с нашим образованием, массовым и классическим искусством? Чтение «Стоп, машины» может стать своего рода прививкой для любого, страдающего западопоклонничеством или даже просто склонностью искать прямолинейные решения для всех социальных бед.

Простых решений эта книга не предлагает. Нет в ней также фальшивой учёности и «птичьего языка» оторванной от жизни науки, пресловутого *academese* (словечко, которое автор использует, характеризуя стиль Хайдеггера). Нет, или почти нет, гнева и пламенных обличений. Нет попытки провести политическую линию или пренебрежения к чужим культурам и религиям.

Что же здесь есть? Есть юмор, ирония, сарказм и глубокая серьёзность. Есть нарочитая, почти детская наивность в сочетании с настоящей глубиной мысли. Есть богатство модусов выражения, которое мне было так непросто передавать, от изысканной вежливости до почти грубости, с которой автор пародирует стиль современных британских поп-звёзд или рассуждает, погрузившись в психологию современного мещанина, о «сексе низкого качества». Есть метафоры на грани мистических откровений (но всё время только на грани: так, почти проговорившись, что именно Дьявол является создателем современной «прогрессивной повестки», доктор Рёмер делает шаг назад и объявляет, что с Дьяволом он лично не знаком, оттого ручаться за это не может).

² Этот раздел не является частью исходного текста (прим. перев.).

Желаю читателю подружиться с этой книгой, взяв от неё всё, что она способна дать, задумавшись и над тем, что она говорит напрямую, и над тем, на что она лишь намекает, и над тем, о чём она умалчивает.

Б. С. Гречин

Предисловие

Этот текст можно считать продолжением или даже второй частью «Европы глазами снежного льва»: книги, столь же драгоценной в одном отношении, сколь и наивной в другом.

Пламенным приверженцам Ринпоче определённо не понравится слово «наивный» в предыдущем абзаце, оттого я обязан пояснить, что именно имею в виду.

Самое последнее устное наставление из числа тех, что после стали главами «Европы глазами снежного льва», было передано Ринпоче в 2012 году. При том образ Европы, который Учитель держал в своём уме, говоря о всех странностях западной жизни, сформировался раньше – может быть, на десятилетия раньше.

Я хотел бы, чтобы мои читатели осмыслили два примера.

«Вы не делаете этого в школах. Это уже кое-что», – говорит Ринпоче, обращаясь к тем, кто насильственно поощряет развитие детской сексуальности, и современный читатель с трудом удерживается от грустной улыбки при чтении этих двух предложений: в наши дни беседы и лекции о половой жизни давно стали частью школьного учебного плана.

В той же самой главе автор «Европы глазами» ссылается на «Бум», французскую комедию 1989 года о взрослении девочки с Софи Марсо в главной роли. Как многие из читателей книги Ринпоче ещё помнили «Бум» в 2012 году, когда книга впервые появилась? И как многим эта отсылка покажется убедительной сегодня? Французские подростки образца 1989 года, когда мы смотрим на них через линзу современности, кажутся нам почти невинными, как бы тибетский духовный учитель, несколько десятилетий назад наблюдавший за их поведением и стремившийся его осмыслить, ни пытался убедить нас в их испорченности.

«Европа глазами снежного льва» изобилует замечаниями, мыслями, юмористическими моментами, которые по современным меркам кажутся безнадёжно устаревшими. Сказать это – вовсе не то же самое, что сказать, будто сумма устных наставлений Ринпоче (записанная вашим покорным слугой), перестала быть актуальной. В определённом смысле послание его книги для современного мира оказывается всё более и более важным. Я бы хотел, чтобы «Европа глазами» нашла свой путь к сердцу современного читателя – и именно с этой надеждой я беру на себя неблагоприятную задачу попробовать создать «вторую серию» философской книги, которая в своё время была внимательно прочитана и оценена честными интеллектуалами.

В отличие от Ринпоче, я человек сугубо светский, и оттого мой читатель едва ли будет ожидать от меня наблюдений за современностью, сделанных с религиозных позиций. Я даже и не буду пробовать делать их: для меня гораздо уместнее будет сосредоточиться на том, что я действительно могу понять и объяснить. Не буду я и пытаться воспроизвести неповторимый стиль Учителя – а вместо этого попробую на страницах этой книги найти свой собственный голос.

Я всерьёз сомневаюсь в том, что меня следует считать западным буддийским учителем (это звание мои ученики присвоили мне, вероятно, слишком поспешно). Голос, который дальше услышат мои читатели, – это голос педагога, и именно в качестве педагога я высказываю

свои сомнения, а также предлагаю свои решения перед лицом величайшего духовного кризиса в истории наших стран за многие столетия. (Сумеет ли, впрочем, эта книга предложить те или иные решения? Этого я сказать пока не могу.)

Читатель уже догадался, что «Стоп, машина» продолжает традицию таких работ, как:

– «Закрытие американского ума» Аллана Дэвида Блума (1930—1992),

– «Развлекаемся до смерти» Нила Постмана (1931—2003),

– «Идио[то]кратия» Зорана Терзича (род. в 1969 г.),

– и особенно «Закат Европы» Освальда Шпенглера (1880—1936), мощному, хоть и несколько туманному тевтонскому гению которого автор обязан существенным числом своих идей и своей методологией.

Если бы уже в 1918 году было возможно сказать всё, что может быть сказано о современной социокультурной ситуации спустя девяносто шесть лет, не было бы, воистину, никакой необходимости писать «ремейк» «Заката Европы». Для Шпенглера величественное солнце нашей цивилизации всего лишь торжественно заходило (отсюда и *Der Untergang des Abendlandes*, «Заход Вечерней земли», что является дословным переводом названия его книги с немецкого языка). Для нас это солнце уже давно село, а впереди – долгая ночь. (Появится ли на небе хоть одна «звёздочка светлая, звёздочка ранняя», чтобы указать дорогу одинокому путнику? Пока небосвод современной культуры чёрен, словно чёрная яма.) Шпенглер описывал период, переживаемый западной культурой столетие назад, в качестве «начала зимы». Нас же, в отличие от него, от самых холодных ночей, самых безжалостных ветров этой зимы отделяют считанные дни, может быть, считанные часы.

Корабль Запада, если нам будет позволена морская метафора, столкнулся с айсбергом. Получив несовместимые с его живучестью повреждения, он обнаружил себя «Титаником», а вовсе не горделивым Ноевым ковчегом. Мы давно миновали момент, до которого ситуацию можно было бы обернуть вспять: машина безнадежно поломана, и для капитана, пожалуй, остаётся только отправить сигнал «Стоп» в машинное отделение посредством судового телеграфа. Нам следует искать спасательные шлюпки без всякого промедления.

(Замечание в скобках: автор этого текста, будучи буддистом, полностью разделяет надежду на то, что буддизм может быть одной из таких шлюпок. При этом мои религиозные убеждения не мешают мне осознать, что это очень маленькое судёнышко для большинства людей Запада не годится. Всё было бы слишком просто, если бы универсальной панацеей от наших бед оказалось распространение азиатской религии, сущностно чуждой для западного умственного склада.)

Читатель может задаться вопросом о том, зачем писать книгу, основная идея которой уже представлена в её предисловии. На это у меня есть две причины.

«Стоп, машина» пишется, во-первых, с целью охарактеризовать теперешнюю социокультурную ситуацию с наиболее возможной ясностью, точностью и трезвостью. Чем быстрее мы справимся с этим, тем быстрее сможем начать и поиск лекарств от наших болезней – если, конечно, на этой стадии лекарства ещё не опоздали. В любом случае, невозможно приступить

к лечению пациента до тех пор, пока мы не признали, что пациент *болен*, – и, разумеется, для врача окажется большим подспорьем знание того, чем именно он болен.

Вторая цель этой книги – это, если ещё раз воспользоваться морским языком, постановка буя: предостережение представителям других культур (или цивилизаций, если строго придерживаться шпенглеровской терминологии), которые как будто склоняются последовать за нами по нашему самоубийственному пути, идёт ли речь об Африке, Китае, Индии, Ближнем Востоке, России, юго-восточной Азии или даже о Северной Корее. (Воистину неприятное замечание! Неужели дела на Западе обстоят так скверно, что впору уже предупреждать Северную Корею о том, чтобы её жители не уподобились нам? В дальнейших главах автор постарается продемонстрировать, что дела на Западе действительно идут «совсем худо».)

Некоторые источники моего вдохновения к написанию этой книги уже были названы. Другими являются:

– Рэй Брэдбери (1920—2012) и его «451 градус по Фаренгейту» (что же, это было предсказуемо),

– Новалис, также известный под именем Фридриха Гарденберга (1772—1801) с его романом «Генрих фон Офтердингер» и сборником «Цветочная пыльца» (нем. *Bluethenstaub*),

– Э. Т. А. Гофман (1776—1822) с его сказками и новеллами,

– Томас Манн (1875—1955) и его «Доктор Фаустус»,

– Александр Солженицын (1918—2008) и его «Архипелаг ГУЛАГ» в переводе [на английский язык] Томаса П. Уитни.

(Является ли мысль о том, что параллели между сталинской Россией и сегодняшним Западом напрашиваются сами собой, слишком смелым утверждением?)

Некоторым идеям, которые я пробую развить в этом издании, я также обязан Борису Гречину (род. в 1981 г.), современному российскому культурологу³. Я использую эту возможность, чтобы рекомендовать моим читателям две его книги, а именно «Девять лекций о российской неклассической музыке» и «Утешение философией Боэция как ничейная земля между буддизмом и христианством». «Противостояние миру надломленной веры» – это выражение Линды Пратт полностью описывает интеллектуальное кредо автора этих книг.⁴

Этот текст написан с любовной памятью о Кхенпо Кьосанге Ринпоче (1950—2014), моём первом и единственном духовном учителе. У меня есть суетная надежда на то, что он, доживи он до наших дней, согласился бы с моими идеями (само собой, он высказал бы то же самое в более сжатом виде и с бóльшим остроумием). Сейчас же читателю придётся преодолевать строку за строкой моей довольно скучной прозы. Пусть эта книга даст её читателям достаточно пищи для ума, и пусть важность её предмета искупит все изъяны её стиля.

³ Автор использует выражение *cultural philosopher*, что можно перевести и как «культуролог», и как «философ в области культуры». Оба выражения лестны, и оба в моём случае являются преувеличением (прим. перев.).

⁴ Я также благодарю г-на Гречина за его ценные пояснения о творчестве Достоевского (прим. авт.).

Последнее: один из моих близких друзей, у которого была возможность ознакомиться с рукописью, описал мою книгу как «английский текст с сильным немецким акцентом», и под «немецким акцентом» он едва ли имел в виду мою грамматику. Мне немного жаль моих читателей, которым придётся столкнуться с этим «немецким акцентом» в последующих главах. Но, как бы там ни было, я не стыжусь ни этого акцента, ни своей национальности.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Медицина

Кажется, именно Маргарет Мид (1901—1978), американский антрополог, однажды сказала, что человеческая цивилизация начинается со здравоохранения – точнее, с заботы о сращивании бедренных костей (по крайней мере, именно это утверждает про неё популярный Интернет-мем). Раненых животных в дикой природе обычно убивают раньше, чем их сломанная бедренная кость вновь срастётся. Итак, сросшаяся бедренная кость указывает на то, что некто заботился о получившем травму всё то долгое время, которое заняло исцеление.

Рик Снедекер в своей длинной статье, опубликованной на портале *OnlySky* 6 декабря 2022 года, пробует доказать, что Маргарет Мид никогда этого не говорила именно в таких выражениях или что, по крайней мере, этому нет никаких доказательств. Он также поясняет, что даже приматы заботятся о раненых членах своей стаи.⁵ Что же, разве их забота друг о друге является признаком наличия у них цивилизации?

Отложив пока в сторону вопрос наличия зачаточной цивилизации у обезьян или дельфинов, мы не можем не согласиться с безымянным создателем популярного мема. Забота о чужом здоровье действительно является признаком цивилизации, – или культуры, если быть верным Шпенглеру, – хоть существование системы здравоохранения ещё не доказывает того, что мы непременно имеем дело с *высокой культурой*: в конце концов, даже у примитивных племён есть свои знахари-медики.

Каково состояние современной медицины на Западе? Сохранили ли мы здравоохранение, достойное развитой цивилизации?

Медицинские технологии, как это всем известно, шагнули так далеко, что родители, воспользовавшиеся процедурой экстракорпорального оплодотворения (ЭКО), могут теперь даже выбрать пол своего ребёнка. И именно ЭКО заставляет меня задавать те вопросы, которые я уже озвучил в предыдущем абзаце.

Я бы хотел, чтобы мои читатели поняли меня верно: оплодотворение вне человеческого тела – это настоящий технологический прорыв. Но это – такой прорыв, применение которого создаёт больше проблем, чем решает.

При этом я сознательно отказываюсь рассматривать экстракорпоральное оплодотворение в религиозном ключе. Применительно к целям нашего обсуждения не так важно, является ли использование ЭКО «грехом», создаёт ли оно «дурную карму», представляет ли собой «харам в глазах Аллаха» и т. п. Давайте посмотрим на оплодотворение вне тела с чисто прагматической точки зрения.

⁵ Рик Снедекер. Урок критического мышления [Электронный ресурс]. URL: <https://www.facebook.com/snedauthor/posts/an-object-lesson-in-critical-thinking/1875927459414809> (дата обращения: 3 июля 2024 года). Выбирая из двух зол – переводить библиографические ссылки и тем нарушать стандарты их оформления или оставлять их без перевода, делаю текст непонятным, – я выбрал первое. Все библиографические ссылки принадлежат автору, если не указано иное. Во всех случаях, когда автор цитирует издания на английском языке, я цитирую соответствующие издания на русском. Там, где автор переводит иноязычные тексты самостоятельно, я поступаю по его примеру (прим. перев.).

Для чего нужна эта процедура? Нам говорят, что она – способ «лечения бесплодия», вернее, способ забеременеть для тех женщин, которые не могут зачать ребёнка естественным путём. Но здесь есть «небольшая неточность», поскольку медицинская процедура ЭКО является не тем, что нам про неё рассказывают. ЭКО не исцеляет бесплодие. Оно всего лишь позволяет родителям «пойти в обход», делая их проблему проблемой следующего поколения. Бесплодие более чем в половине случаев имеет генетические причины.⁶ Даёт ли оплодотворение «в пробирке» возможность устранить эти причины, или оно всего лишь позволяет ребёнку унаследовать «проблемные» гены от своих родителей, так что через двадцать с чем-то лет этот ребёнок, будучи уже взрослым человеком, с некоторой вероятностью столкнётся с той же проблемой? Боюсь, что ответ очевиден.

Мой подход, вероятно, окрестят порождением евгеники, ведь «что может быть важнее человеческой жизни»? И действительно, что? Может быть, выживание народа... Медицинская процедура, которую нам изображают в качестве последнего слова науки, не решает проблему, которую она призвана решать. Она всего лишь накапливает проблемы, с которыми придётся столкнуться новому поколению.

Является ли всё более частотный выбор *лечения, которое сущностно не лечит*, признаком того, что мы не состоялись как цивилизация? Нет, не является. Это всего лишь признак нашей растущей неспособности совершать ответственные выборы в длительной перспективе, и признак очень тревожный.

Ниже – ещё несколько проблемных точек, появившихся в западной медицине за последние тридцать или пятьдесят лет:

- влияние производителей лекарств [на врачей],
- принудительная вакцинация взрослых людей,
- психологическое консультирование в качестве досуга,
- трансплантация органов.

Ничто из вышеназванного не является «красным флагом» в том смысле, что этот феномен демонстрирует полную несостоятельность нашей цивилизации или предсказывает крах всех западных стран через, скажем, десять лет с момента написания этой книги. Я бы предпочёл видеть всё, перечисленное выше, в качестве «оранжевых флагов», тревожных маркеров – но эти маркеры нам нужно принимать со всей серьёзностью. Ведь, если фармацевтическая индустрия действительно способна влиять на то, что прописывают нам врачи⁷, мы не можем не беспокоиться об этом, поскольку здоровье людей в масштабах целых стран подвергается риску из-за преследования производителями лекарств своих эгоистических интересов. Если регулярные посещения психолога (который, в конце концов, является не отцом-исповедни-

⁶ См. Является ли бесплодие генетическим заболеванием? // Геномная медицина [Электронный ресурс]. URL: <https://www.genomemedical.com/genetic-testing-pregnancy/is-infertility-genetic/#:~:text=Approximately%2010%20to%2015%20percent,to%20a%20known%20inherited%20cause> (дата обращения: 28 июня 2024 года).

⁷ См. Эзан Зареи, Амир Гаффани, Али Никубар, Шайан Бастами, Хазан Хамдгхаддари. Взаимодействие между врачами и производителями лекарств // Национальная медицинская библиотека [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC9879663/#:~:text=Background,of%20payer%20company%20drugs%2C%20etc> (дата обращения: 28 июня 2024 г.).

ком, а врачом, работающим с болезнью) становятся рутинными почти для трети взрослого населения⁸, это показывает, что наши общества серьёзно больны. И если практически обязательная, насильственная вакцинация с недоказанной эффективностью заставляет нас забыть самые основы нашей цивилизации – например, уважение личного выбора человека, касающегося его личного здоровья, – то мы имеем право задать себе вопросы: живём ли мы всё ещё на Западе или внутри жуткого политического устройства в сталинском стиле? Заслуживает ли такое политическое устройство нашей поддержки?

Трансплантация органов – это, пожалуй, самая спорная процедура из числа тех, которыми так гордится современная медицинская наука, и «спорная» здесь – ещё слишком мягкое слово. Это наш цивилизационный *грех*, за который нам рано или поздно придётся ответить.

Органам, подлежащим пересадке, для того, чтобы они оставались пригодными для трансплантации, требуется постоянный приток насыщенной кислородом крови.⁹ «В отношении доноров выполняется принудительное дыхание, заставляющее их сердца биться, чтобы внутренние органы могли омываться кровью», – невозмутимо поясняет правительство Нидерландов на своём официальном сайте, и это означает, что донор хотя бы в техническом смысле слова на момент взятия у него органа должен *оставаться в живых*. Так и задаёшься вопросом, отчего никто из тех, кому пересаживают органы, не ужасается подробностям этой процедуры, которые безусловно заслуживают того, чтобы быть широко известными. Жить за счёт чужой жизни – кто захочет этого, кроме глубоко порочного человека?

Стандартное возражение сказанному выше таково: если некто умирает в результате аварии или в схожих обстоятельствах, иногда случается так, что мозг донора спасти уже невозможно, а тело ещё можно какое-то время поддерживать в состоянии [искусственной] жизни. Так отчего бы этому телу не послужить нуждам других людей? Простите меня, но я, хоть и являюсь человеком, в медицинском смысле невежественным, в это не верю. Более всего я не верю, что все случаи донорства безупречны с этической точки зрения. Разве невозможно кого-то, дошедшего до крайней нищеты, принудить к «добровольному донорству» одного из своих органов, после чего донор не проживёт долго?¹⁰ Мы все понимаем, что бывает и так. Разве невозможно превратить в донора тяжело раненного солдата, пользуясь тем предлогом, что его ранения слишком серьёзны [и он всё равно не выживет]? Но зачем предполагать? Не где-нибудь, а на Украине, с её продолжающейся войной и с её чёрным рынком человеческих органов, наша цивилизация как раз и собирает свой кровавый урожай.¹¹

Мировой истории уже известны культуры – такие, как империи ацтеков и майя, – для которых человеческие жертвоприношения были «нормальной» частью их социокультурной жизни. Многого об этих культурах мы не знаем. Но мы знаем, что их бесчеловечная практика

⁸ С начала 2020 года около 30% взрослых американцев посетили психолога // *Терапия в Денвере* [Электронный ресурс]. URL: <https://mydenvertherapy.com/therapy-mental-health-statistics> (дата обращения: 28 июня 2024 г.).

⁹ Донорство органов и тканей: вопросы и ответы // Правительство Нидерландов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.government.nl/topics/organ-tissue-donation/question-and-answer/if-i-am-a-registered-donor-what-will-happen-to-my-body-after-my-death#:~:text=Organ%20donation%20is%20only%20possible,to%20circulate%20through%20their%20body> (дата обращения: 28 июня 2024 г.).

¹⁰ Дэн Вилефски. Чёрный рынок органов вовлекает европейскую бедноту // *Эн-би-си ньюз* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nbcnews.com/id/wbna48008837> (дата публикации: 29 июня 2012 г.).

¹¹ Оливер Кауфман. Спрос порождает предложение: чёрный рынок человеческих органов на Украине // *Мидиэм* [Электронный ресурс]. URL: <https://medium.com/@okaufman222/demand-breeds-supply-black-market-of-human-organs-in-ukraine-23e4330783b4> (дата обращения: 20 июня 2024 г.).

так возмутила испанских конкистадоров, что этим империям со всеми их геополитическими амбициями пришёл быстрый и болезненный конец.

Цивилизация может «зайти за холм» тихо и мирно, но также может – как в случае Советского Союза или Империи ацтеков – рухнуть внезапно. Хотелось бы, чтобы некто смилился над Западом, позволив нам избежать быстрого и кровавого финала, про который, принимая во внимание все жизни, оборванные трансплантацией органов, мне порой кажется, что мы полностью его заслужили.

Упомянутые выше «оранжевые флаги» ещё не указывают на близкий конец Запада, вопреки всей их тревожности, тем более не доказывают они того, что медицина в западных странах находится в плачевном состоянии. Нам в первую очередь нужно беспокоиться вовсе не о состоянии нашего здравоохранения – хоть нашим врачам действительно не доплачивают, хоть они и действительно перерабатывают: не что, что, вероятно, происходит в любой стране, от Австралии до Ямайки. По-настоящему ужасает то, как именно мы пользуемся современной медицинской наукой (например, при экстракорпоральном оплодотворении или пересадке органов). В лучшем случае мы заставляем других людей платить за наше здоровье своими болезнями (иногда – своими жизнями). В худшем же случае мы просто *оказываемся неспособны опознать свои болезни в качестве таковых*.

Имеется немалое число заболеваний, которые в последние тридцать лет западное человечество стало воспринимать гораздо более «терпимо», – настолько, что мы уже почти считаем их «разновидностью нормы». К таким разновидностям относятся:

- ожирение,
- зависимости разного рода,
- некоторые психические заболевания, включая, к примеру, синдром дефицита внимания и/или гиперактивности,
- аутизм,
- недовольство собственным полом («гендерная дисфория»),
- гомосексуализм,
- половое влечение к детям и подросткам (педофилия)

Эта книга – не памфлет и тем более не религиозный трактат. Её автор не предлагает читателям преследовать гомосексуалистов, не предлагает толковать их поведение в качестве греха или богохульства. Давайте на время забудем о религии и сосредоточимся на чисто биологической стороне проблемы.

Ни гомосексуалисты, ни трансгендеры, ни лица, страдающие педофилией, не могут иметь потомства естественным способом (верней, не хотят, с тем же результатом). Цивилизация, растущее число представителей которой не хочет иметь детей, обречена на крах, и этот крах – просто вопрос времени.

На этом месте я хотел бы особенно подчеркнуть, что обсуждается вовсе не человеческая значимость всех этих половых идентичностей, предпочтений и способов самовыражения. Мужчина, вступивший в половую связь с другим мужчиной, сожалеющий о том, что не является женщиной (то, что было свойственно Набокову, судя по его дневникам) или предающийся фантазиям о половой жизни с двенадцатилетней девочкой (снова вспоминается Набоков), может быть блестящим писателем точно так же, как ребёнок-аутист в итоге может стать великолепным учёным, любящим мужем и полезным членом общества. Но при всём при том ребёнку-аутисту требуется лечение: став взрослым, он будет благодарен врачам за внимание, уделённое ему, когда он был подростком. Что же до известного писателя, который имеет половое влечение к девочкам, ему бы тоже не повредила медицинская консультация, а те его соседи, у которых есть подрастающие дочери, безусловно оценят его желание проконсультироваться с врачом.

Автор этой книги прекрасно понимает, что всё, сказанное выше, безнадежно устарело. Общество, в котором мы живём, отказывается от какого бы то ни было насильственного медицинского вмешательства в сферу личных желаний или гендерных предпочтений, даже если эти «предпочтения» принадлежат ребёнку. Мы оставляем каждого с его желаниями наедине – точка, конец дискуссии.

И, коль скоро мы делаем так, разве остаётся у нас возможность объяснить подрастающему поколению, почему, вопреки всему, им имеет смысл создавать «нормальную» семью и заводить детей? Такой возможности у нас нет: мы даже не знаем, как приступить к объяснениям подобного рода. Более того, мы считаем рассказы о множестве воображаемых гендеров куда более важной педагогической задачей.

Эта ситуация фатальна – не оттого, что всё это «дурно в нравственном отношении», или по другой похожей причине, но в историческом смысле. Неспособность отличить правду от лжи и здоровье от болезни – это цивилизационная неудача.

Мы, представители старой (на языке вертится «старческой») и некогда необычайно могучей цивилизации, перестали понимать, что такое – быть здоровым и зачем нужна медицина. Мы используем её ради удовлетворения своих эгоистичных потребностей, ради того, чтобы прогуливать уроки в суровой школе жизни. Иногда же мы оказываемся неспособны использовать её именно тогда, когда она нужна более всего. Такое поведение не является поведением человека, желающего сохранить то благое, что у него есть. Это – установка равнодушного дурака, которого не заботит, развалится ли на части привычный ему мир или нет.

Можно ли предотвратить конец привычного нам мира? Не мне отвечать на этот вопрос. Лишь западное общество в его совокупности, Запад в качестве единой духовной общности способен ответить «да» – но, безусловно, имеет полное право сказать «нет».

ГЛАВА ВТОРАЯ

Работа

Труд облагораживает человека. Трудолюбие – добродетель. Труд спасает души: «Видите ли, что человек оправдывается делами, а не верою только?» (Иакова 2:24). Именно на труде построена наша цивилизация. Труд наделяет жизнь смыслом. Мы чего-то стóим до тех пор, пока мы трудимся.

И так далее. Наши отцы и наши деды наверняка согласились бы со всем этим. Возвышенные истины из предыдущего абзаца всё ещё кажутся возвышенными, но вот их истинность изрядно истрепалась: за последние два десятка лет мы как-то перестали в них верить. Кто бы объяснил нам, почему это произошло!

С одной стороны, мы всё ещё работаем довольно много – возможно, даже больше, чем наши отцы и деды. Равновесие между жизнью и работой незаметно сдвинулось в сторону работы, да и сама граница между тем и другим оказывается зыбкой. В наше время работой можно считать что угодно, а именно:

– наши личные отношения (над ними «нужно работать», как нам скажет почти любой семейный психолог);

– религию (опять-таки, нам советуют «работать над собой», верней, «над своим истинным “Я”»);

– половую жизнь (теперешний политически корректный термин для обозначения проститутки – это «сексуальная работница»; в Германии их работа является легальной, как и их трудовые договоры, предложения о «сексуальном труде» со стороны работодателя и пенсии, которые начисляются работникам такого рода);

– даже развлечения (попробуйте-ка пройти компьютерную игру до конца, и вы узнаете, какая это нелёгкая работа – работа, которую мы должны делать бесплатно, да ещё и в своё свободное время).

В известном смысле слова мы, жители западных стран, стали работать больше, а не меньше – но при этом перестали чувствовать, что «труд наделяет жизнь смыслом». (Думаю, это всё ещё не так для горстки людей, благой кармой которых является наличие у них достойной профессии. Можем ли мы то же самое сказать про себя?) Сама духовная суть повседневного труда за последние тридцать лет изменилась: неприметно, но тем более основательно.

Приглашаю своих читателей совершить мысленный эксперимент. Давайте назовём семь случайных профессий. Пусть ими будут журналист, слесарь, врач, священник, продавец, солдат, учитель. Посмотрим пристально на то, что эти люди делают каждый день, и на то, что изменилось всего за одно поколение. «Не так уж и многое», – ответите вы мне. «Нет, многое», – возражу я вам, и, поразмыслив, вы со мной согласитесь.

Начнём с того, что наш повседневный труд стал *необязательным* – увы, не в том смысле, что мы свободны делать наши дела или бросить их. Мы всё ещё обязаны решать задачи, которые перед нами ставит наше начальство, – но мы перестали ощущать их важность.

Ещё где-то полсотни лет назад представители семи профессий, названных выше – начиная с журналиста и заканчивая учителем, – были глубоко убеждены в том, что общество не может существовать без них, что, пропусти они хоть один рабочий день, оно в буквальном смысле слова развалится на части. Куда бы делись школьники без учителя? Кто бы лечил больных? Кто бы защищал родину от злобных коммунистов? И так далее.

Сейчас же каждый из семи чувствует, что его на его месте несложно заменить. (Автор убеждён, что именно карантинные меры во время последней эпидемии коронавируса стали для нас сигналом, посланием, которое было прочтено вот как: *мы и без вас обойдемся.*)

Журналист? Было время, когда журналист считал себя глашатаем правды, независимым расследователем, обличителем пороков общества. Сегодня же журналист, работающий на любое из ведущих СМИ, – не более чем платный пропагандист (откройте первую страницу любой газеты и докажите мне, что я неправ, если сможете), наёмный агент транснационального капитализма – проще говоря, некто, без кого любая нация какое-то время прекрасно обойдётся и никогда не пожалеет о том, что обошлась без него.

Слесарь? А давно ли, кстати, вы видели живого слесаря, или широкого профиля, или, например, мастера, создающего замки? Не удивлюсь, если вы вообще ни разу не встречались со слесарем: именно мы, верней, наше политическое руководство решило переместить наши производственные мощности на Восток. Мы уже давно не производим ни сковородок, ни замков. Мы покупаем их в Китае.

Священник? Ах, Господи, кому они ещё нужны в 2024 году? Следует поверить Шпенглеру: он очень убедителен, когда утверждает, что любая культура, перейдя границу, за которой она становится цивилизацией, без всякого труда избавляется от своих поэтов, священников и провидцев. Само собой, их не всегда расстреливают: в цивилизации нашего типа им позволяется перейти на травоядное существование, питаясь на пожертвования каких-нибудь благочестивых старушек. Наши матери, испытывая угрызения совести, шли к священнику. Наши подруги идут к психологу, этой современной версии отца-исповедника, но они, заметьте, ни в чём не раскаиваются: они всего лишь, к примеру, страдают от депрессии и хотят, чтобы «мозгоправ» «починил им мозги», примерно так же, как автомеханик чинит машину. И пусть «мозгоправ» не воображает о себе слишком многое.

Продавец? Покупатели наверняка могут воспользоваться терминалом самообслуживания – и всё, продавец больше не нужен. (Следует задуматься о том, как современные технологии размывают содержание повседневного труда.)

Солдат? Но с кем это мы собрались воевать? С Северной Кореей? Нет уж, Ким Чен Ын не позволит никаких таких глупостей: пара «Хвасонгов», выпущенных по Берлину, Парижу, Лондону или Нью-Йорку, поставит точку в существовании нашей цивилизации куда быстрее, чем нам этого хочется, так что и книга эта окажется не нужна. Может быть, с Россией? Идея войны с Россией крайне неприятна автору этой книги, который является немцем по рождению, у которого есть русские друзья, который не раз отмечал сообразительность, широту ума и хорошую общую подготовку российских студентов. Но даже если и с Россией: зачем воевать самим, если какой-нибудь несчастный украинский паренёк справится с этим делом вместо нас?

Что насчёт учителя? Автор этой книги, сам будучи педагогом, мог бы многое рассказать об этой профессии и о том, как её важность подвергается последовательной эрозии. Но вместо того, чтобы утомлять вас своим горестным монологом, позвольте мне привести лишь один пример, а именно пример Google Classroom, или «Гугл-класса».

«Гугл-класс» – это бесплатная платформа для преподавателей и учеников, сетевой инструмент, посредством которого вы можете читать лекции учащимся, задавать им вопросы, собирать их ответы, проверять их контрольные и ставить им оценки. Это – ещё одно выдающееся технологическое достижение, которое опять-таки можно заставить служить дурной цели. Достаточно лишь раз записать видеолекции по каждому предмету, который является частью учебного плана школы или вуза, и после этого учитель больше не нужен. «А кто же будет оценивать навыки студентов, кто поставит им оценки?» – спросите вы меня. Да кто угодно, отвечу я вам: любой, у кого есть ключи к тестам с выбором одного верного ответа из нескольких, то есть это может сделать даже машина. Как и в случае с видеолекциями, тесты достаточно создать лишь однажды.

Правда и то, что заменить врача или медсестру всё ещё непросто. Но зачем вообще заменять их? В 2020 году мы все увидели, как легко заставить целые народы оставаться дома под сомнительным предлогом нашей безопасности. Весной 2020 года, как помните вы и помню я, никому, страдающему чем-то *помимо* коронавируса, не оказывалось никакой врачебной помощи. Грустная действительность такова, что у некоторых из нас есть хронические заболевания, которые, если не обращать на них внимания, приводят к смерти. Число смертей весной 2020 года ужасает. Как многим из этих смертей мы обязаны тому, что больные, страдающие от бактериальной пневмонии или пережившие сердечный приступ, не получили врачебной помощи, поскольку все врачи боролись с эпидемией?

«Иногда люди *просто* умирают», – вот и всё, что любой, недовольный этим положением вещей, четыре года назад получал в качестве ответа (этот ответ напоминает мне неуклюжее соболезнование, которое Фил Коннорс в «Дне сурка», американском комедийном фильме 1993 года, услышал по поводу смерти бездомного от медсестры). Или даже: «*Какое право* вы имеете думать о собственных эгоистических интересах, когда страна столкнулась с пандемией, невиданной ранее в мировой истории?! Как вы *смеете*, господин хороший?» Для меня это «Как вы смеете?!» имеет лёгкий привкус неосталинизма. Я никогда не буду отрицать, что пандемия 2020 года была колоссальным вызовом всем национальным системам здравоохранения, но даже чудовищная масса того, с чем тогда пришлось столкнуться медикам, не может помешать мне размышлять, задавать вопросы и делать выводы.

Так или иначе, большинство из нас пережили то время – и те, что выжили, ясно услышали послание, адресованное нам нашими элитами, послание, которое наше поколение едва ли забудет: «*Мы справимся и без вас*, будь вы хоть врачом, хоть учёным, хоть даже полицейским. Незаменимых людей нет». (Ещё одно любимое выражение Сталина, согласно некоторым источникам.)¹² Да и в любом случае, кому нужны полицейские, если предполагается, что все будут сидеть по домам? Что, вам угрожает ваш муж, обещает вас убить? Ну, позвоните вашему семейному психологу в таком случае. Вдохните, выдохните, расслабьтесь...

¹² См. Анна Немцова. Ведущие российские журналисты-правозащитники сталкиваются с угрозами и убийствами // Эз Дэйли Бист [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thedailybeast.com/russian-top-human-rights-journalists-face-threats-murder> (дата публикации: 14 июля 2017 г.).

(Многое из того, что я пишу, звучит саркастически. Ничего не могу с этим поделать!)

Но вернёмся к нашей теме. Многие из нас подсознательно чувствуют, что всех нас с нашими профессиями и на наших должностях теперь легко заменить – или рабочими-мигрантами, или новыми технологиями, или и тем, и другим. Наш труд также становится всё более и более *невещественным* и отсюда *бессмысленным*. Наша цивилизация производит всё меньше и меньше товаров, предоставляет всё меньше и меньше услуг, без которых нельзя прожить.

Список «простых и забавных профессий, за которые хорошо платят» от 2024 года включает в себя такие (псевдо)профессии, как:

- заполнение платных онлайн-опросников,
- участие в викторинах, участникам которых платят деньги,
- зарабатывание денег просмотром видео,
- заработок на личном блоге,
- написание обзоров фильмов,
- получение денег за онлайн-свидания и пр.¹³

Всякий из нас определённо может представить себе жизнь, смысл которой состоит в помощи другим, в лечении других людей, в обучении детей тому, что есть добро и как отличить его от зла, в защите других людей от мошенников и головорезов; в выращивании овощей, постройке новых домов или мостов. А можете ли вы представить себе «получение денег за онлайн-свидания» в качестве занятия, которое наделяет человеческое существование смыслом? А с другой стороны, зачем и пытаться стать врачом или строителем, если за «заполнение онлайн-опросников» тоже хорошо платят? Какой ответ на предыдущий вопрос мы дадим подростку тринадцати лет? Есть ли у нас этот ответ?

Но дело не только в бессмысленности труда. Все мы замечаем, как едва ли не любая профессия становится всё более *механистичной, алгоритмизованной, лишённой творчества*.

Помнит ли ещё читатель наш список из семи случайно выбранных профессий? А нам помнится не слишком давнее прошлое, когда четверо из этих семерых – а именно, мастер по замкам, врач, священник, учитель – не имели никаких алгоритмов, которых они были обязаны придерживаться, никаких строгих стандартов, которым они были вынуждены следовать. Ими руководил лишь их опыт, профессионализм и здравый смысл. В наше же время лишь у священника есть свобода проповедовать о том, что придёт ему в голову. (А есть ли у него эта свобода? Боюсь, я слишком это упрощаю. Будучи официально признанным буддийским клириком, я имею полную свободу читать проповеди на любую тему. При этом я ни разу не воспользовался шансом обратиться с наставлением к собранию верующих. У меня нет никакого прихода.)

¹³ См. Шива Махеш. Тридцать одна забавная работа, за которую хорошо платят // Дримшала [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dreamshala.com/fun-jobs-that-pay-well> (дата обращения: 25 июня 2024 г.).

Что же до школьных учителей или врачей-терапевтов, количество мелочных правил, которые они обязаны соблюдать, увеличилось невероятно. И только попробуйте их нарушить! Ваши «клиенты» немедленно пожалуются на вас вашему начальству. Странно сказать, но именно жалобы учащихся или пациентов когда-то и привели к созданию этих правил.

Давайте поразмыслим над тем, как появились все эти «профессиональные стандарты» и «нормы корпоративной этики». В маленьком посёлке с высокой вероятностью будет лишь одна школа с ограниченным числом педагогов и, к примеру, лишь полдюжины [частнопрактикующих] врачей. А вот в большой больнице будет работать несколько сотен врачей и медсестёр. Будучи не в состоянии поручиться за то, что каждый из них – высококвалифицированный специалист, вы в качестве главврача в итоге издадите распоряжение, запрещающее персоналу (произвольный пример) задавать пациентам «несущественные вопросы». (Всё это, конечно, применимо и к большому вузу с сотней преподавателей.) Но как отделить важный вопрос от неважного? Действительно ли между ними имеется неоспоримая граница? Не забудьте и то, что для посредственности не составит труда исполнять ваше распоряжение, а вот гениального врача оно будет раздражать. Такой человек бросит работу в вашей больнице, откроет собственную практику – и, вероятно, в итоге проиграет конкурентную борьбу, ведь невозможно иметь вуз или клинику, где работают всего два или три сотрудника. Но хватит ли у вас в качестве главврача смелости взять на освободившееся место ещё одного гения? Боюсь, вы не рискнёте этого сделать...

Наша эпоха не способствует появлению мастеров своего дела ни в одной профессии. Мастера больше не нужны (а гении – и подавно). И наоборот: всякий, кто может без малейшей фантазии выполнять стандартные действия, оказывается востребован работодателями – и такие работники будут требоваться ещё долгие годы. Мрачная картина, не так ли?

Картина и вправду мрачная, но верна она лишь для западных стран – или, пожалуй, ещё и для тех стран, что горят желанием идти по нашему пути. Едва ли жители Северной Кореи разделяют наше отношение к труду. А вот граждане Южной Кореи наверняка уже давно почувствовали горький вкус повседневного труда, ставшего необязательным, несущественным, бессмысленным и механистическим.

Труд в мрачной империи Иосифа Сталина был тяжким, невыносимым, убийственным. И тем не менее это была та же самая привычная работа, смысл которой наши деды и отцы сумели бы понять. Мы, жители современного Запада, избавлены от необходимости рыть мёрзлый грунт на строительстве Беломорканала по двадцать часов в сутки (и слава Богу!). Вместо этого мы обнаружили себя в мире, в котором *человека больше не учат быть хорошим работником* и где *труд не возвышает человека*. Наш повседневный труд, не способный наделить смыслом человеческую жизнь, оказывается симулякром – или, выражаясь более простыми словами, игрой, при том игрой утомительной, не очень интеллектуальной и достаточно скучной; игрой, в которой мы пытаемся получить свою зарплату, премии и иные виды вознаграждения, одновременно избегая ответственности и серьёзных обязанностей.

Мне совсем не нравится повторяться, но я не могу не сказать, что подобное отношение к работе катастрофично. Это отношение, воспроизводимое и передаваемое более юным, всего за три или четыре поколения *уничтожит всякую волю к труду*.

Может ли цивилизация существовать без воли к труду? Только если эта цивилизация не стыдится использовать *рабский труд*.

Крайне иронично, что Запад, обычно видящий себя в качестве горделивого оплота демократии, может закончить свои дни в виде рабовладельческой тирании. Вероятно, это лишь один из вариантов нашего исторического будущего, оттого я предпочёл бы, чтобы вместо этого мы бы просто тихо угасли. При этом я осознаю, что ряду моих читателей из двух вариантов больше понравится сталиноподобный режим.

Автор этой книги иногда спрашивает себя: сто́ит ли ему молиться Высшему Существо и просить его сократить срок его жизни, чтобы не пережить того дня, в который единственными возможными вариантами для нас останутся смерть Запада или его превращение в жестокую псевдомонархию азиатского типа? Впрочем, я убеждён в том, что Высшее Существо не услышит моих молитв. Вероятно, его не волнуют наши «слишком человеческие» заботы. Кроме того, только что описанная мною развилка пути может быть гораздо ближе, чем и я, и мои читатели в состоянии это себе вообразить.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Отношения

... Что есть религия, как не бесконечное согласие, бесконечное единение любящих сердец? Где собрались двое, там и Он среди них. Я могу вечно дышать Тобой, моя грудь никогда не перестанет вдыхать Тебя.

... Твоя любовь введёт меня в святые области жизни, в святейшее место души; Ты вдохновишь меня к высочайшим прозрениям. Кто знает, не сумеет ли наша любовь стать пламенными крылами, что вознесут нас ввысь, к нашей Небесной Родине, ещё до того, как старость и смерть сумеют заполнить нас?¹⁴

Некто может подумать, что два фрагмента выше взяты из проповеди или иного религиозного текста. Вовсе нет: я отыскал их в «Генрихе фон Офтердингере», художественном произведении Новалиса, также известного под именем Фридрих фон Гарденберг (1772—1801) — немецкого поэта, писателя, философа и мистика. Два предложения в начале главы взяты из диалога между двумя героями романа, Генрихом и Матильдой.

Я прошу своих читателей на минутку представить, что когда-то подобные диалоги между мужчиной и женщиной не звучали фальшиво. Этот уровень трепетной заботы о другом человеке действительно существовал внутри нашей культуры. (Следует прочитать биографию Новалиса, узнать его стиль и трогательную историю его любви к Софи фон Кюн, чтобы понять, что для него такая манера обращения к любимой была вполне естественной.)

Мне больно думать о том, что это время давно прошло. Испытывал ли кто-нибудь из нас любовь, способную «ввести его в святейшее место души»? Но зачем задавать глупые вопросы...

Я приглашаю своих читателей поразмыслить над уникальным феноменом романтической любви и помолвки — феноменом, рождённым внутри Западной культуры и сущностно чуждым другим культурам и цивилизациям, как живым, так и ушедшим.

В историческом плане именно на Западе *длительные и целомудренные отношения двух юных и не вступивших в брак людей противоположного пола, которые свободно выбрали друг друга*, впервые стали [одной из] стандартных и общепринятых моделей поведения в обществе. В других культурах эта модель не развилась органически, а появилась позднее под влиянием Запада, если вообще появилась.

Молодые люди в Китае или Индии не пользовались преимуществом свободного выбора будущего супруга. Более того, ранние браки в Индии не предполагали настоящих отношений по западному образцу. После совершения церемонии бракосочетания юную невесту, которой

¹⁴ “Was ist die Religion, als ein unendliches Einverständniß, eine ewige Vereinigung liebender Herzen? Wo zwey versammelt sind, ist er ja unter ihnen. Ich habe ewig an dir zu athmen; meine Brust wird nie aufhören dich in sich zu ziehn.” “Deine Liebe wird mich in die Heiligthümer des Lebens, in das Allerheiligste des Gemüths führen; du wirst mich zu den höchsten Anschauungen begeistern. Wer weiß, ob unsre Liebe nicht dereinst noch zu Flammenfittichen wird, die uns aufheben, und uns in unsre himmlische Heimath tragen, ehe das Alter und der Tod uns erreichen.” Новалис. Генрих фон Офтердингер // Зет-библиотека [Электронный ресурс]. URL: <https://de.singlelogin.re/book/1888423/752342/novalis.html> (дата обращения: 2 июля 2024 г.). Поиск английского перевода романа занял у меня так много времени, что я перевёл на английский язык эти два фрагмента самостоятельно (прим. авт.).

было, скажем, двенадцать лет, отсылали в дом её родителей до её совершеннолетия. Да и сейчас брак в Китае или Индии – это «общественное дело», главная цель которого – поддержка социального статуса как молодых людей, так и их родителей, и родительское одобрение брака в этих странах до сих пор является очень важным условием.

Древние греки знали нечто, *напоминающее* романтическую любовь западного типа, а именно романтические (но не обязательно чисто платонические) отношения между женщиной и мальчиком-подростком. Такие отношения считались частью нравственного воспитания, как это помнит всякий читатель «Диалогов» Платона. Трагедию Ромео и Джульетты древнегреческие философы классического периода восприняли бы как не очень правдоподобную и, в любом случае, как необычайно скучную историю [и спросили бы себя]: как этот юноша, в ином отношении явивший изобилие чисто греческих добродетелей, мог заинтересоваться *девушкой*? О чем бы эти двое могли *беседовать*?

Молодые люди и девушки в России, если судить о них по классическим русским романам, вероятно, могли выбирать свою милую или милого сами, но неполучение родительского благословения исключалось. Анну Каренину в знаменитом романе Льва Толстого восемнадцатилетней девушкой выдают замуж за высокопоставленного имперского чиновника вдвое её старше, и этот брак, который устроили родители, не приносит ей счастья. Князю Андрею, мужественному взрослому мужчине и вдовцу, для женитьбы на Наташе всё ещё требуется согласие его старого упрямого отца – но согласия не дано, и брак не заключается. Возможно, единственным персонажем среди всех пёстрых героев русской литературы, вступившим в отношения по западному типу, то есть в отношении с девушкой, которую он выбрал сам [без родительского благословения], является Родион Раскольников, этот бесславный убийца старухи-процентщицы – да и то произошло это лишь потому, что его любимая, Соня, с формальной точки зрения была уличной женщиной и о её будущем браке никто из её родственников не заботился.

Я бы мог умножать свои примеры, но мои читатели уже поняли, что я имею в виду. Романтические отношения между юношей и девушкой – это уникальный продукт нашей культуры. Хоть причины для появления этой поведенческой модели были банальными, непоэтичными, чисто хозяйственными (мужчина хотел чувствовать уверенность в отношении выбора спутницы жизни до того, как был способен экономически обеспечить и себя, и жену), эту модель всё равно следует считать одним из наиболее выдающихся достижений нашей культуры. «Ромео и Джульетта» Шекспира или «Тристан и Изольда» Рихарда Вагнера – вершины мирового искусства; мы имеем заслуженное право гордиться ими.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.